Цзи Вэйи сдержал зудившее в горле першение и посмотрел на него.

На вид стоявшему перед ним юноше было лет семнадцать-восемнадцать, он уже вымахал в росте, но лицо еще сохраняло юношескую незрелость, балансируя на тонкой грани между мужчиной и мальчиком.

Черты лица резкие, надбровные дуги высокие, но глаза при этом на редкость лишены острых углов.

Волосы острижены очень коротко, челки нет, и этот взгляд — ничуть не скрываясь — устремлен на Цзи Вэйи.

Спокойные и пронзительные черно-угольные зрачки рассеяли дневной свет, напоминая только что закаленное в огне и вынутое из воды железо.

Тут же он опустил голову, дважды потными ладонями потерся о штаны, вытащил из нагрудного кармана завернутую в полиэтиленовый пакет вещицу и сунул в ухо.

Слуховой аппарат.

Юноша протянул руку и тронул себя за мочку:

— Зва… л?

Голос низкий, интонация слегка резковатая, немного смахивая на иностранца с поломанным китайским языком, каждое слово произнесено с отчаянным усилием, но весьма отчетливо.

Цзи Вэйи внезапно лишился дара речи, не будучи уверен, способен ли собеседник вообще разобрать его слова.

Голос охрип, и выжать из себя хоть сколько-нибудь громкий звук стоило труда, поэтому пришлось говорить предельно медленно:

— Рыба… Я хотел спросить, ты можешь продать мне рыбу?

— Нельзя, — помотал головой тот. — На… похороны.

Досказав, он повернулся, собираясь уходить, но вдруг снова оглянулся.

И бросил стоявшему на прежнем месте Цзи Вэйи:

— Рыба… зачем?

— Я тоже, — Цзи Вэйи склонил голову набок и легко, невесомо улыбнулся. — Я тоже везу ее на похороны.

Глава 3

Чжан Юань пристально смотрел на Цзи Вэйи — если точнее, на его губы.

Слух на оба уха был слабым, а единственный видавший виды старый слуховой аппарат, надетый со стороны, где слышалось получше, все равно позволял разбирать человеческую речь лишь с великим трудом: звуки улавливались, но смысл часто ускользал.

Собеседник говорил очень тихо, и оставалось лишь отчаянно вчитываться по губам, чтобы хоть как-то понять сказанное.

Раскрывавшиеся и смыкавшиеся перед ним две бледные, лишенные краски губы принадлежали человеку с явно нездоровым цветом лица, источавшему какую-то лишенную жизни призрачность.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного: у каждого, кто отправляется на похороны, настроение вряд ли будет радостным.

Просто черты его лица оказались до того тонкими и изящными, что эта бледность лишь придавала им некий неземной, оторванный от суеты вид.

Даже тонкая синяя венка на шее, прикрытая воротом свитера, казалось, находилась ровно на своем месте.

Чжан Юань вспомнил услышанную много лет назад старую присказку: создавая людей, Нюйва проявляла предвзятость — одних лепила своими руками, а другие получались из брызг грязи, стряхнутой с древесного прутика.

Нюйва ручной работы покрутила в пальцах ключи:

— Раз уж судьба свела, подброшу тебя.

Чжан Юань не расслышал щелчка разблокировки дверей, но, проследив за направлением чужого пальца, заметил неподалеку мигающие стоп-сигналы вишнево-красной иномарки.

Отвечать он не стал, развернул пакет, в котором только что лежал слуховой аппарат,

зачерпнул из ведра воды и голыми руками сунул внутрь пару рыбин.

Лишенная воды рыба забила хвостами, отчаянно сопротивляясь, и внезапно окатила Цзи Вэйи с головы до ног брызгами.

Тот всю жизнь рос в тепличных условиях, не зная тяжелого труда, и даже когда на кухне первого этажа в его доме зажигали плиту, двери плотно закрывали, а вытяжку включали, строго-настрого наказывая ему не спускаться вниз.

Нападение живой рыбной воды заставило его инстинктивно отпрянуть назад.

Набитый рыбой полиэтиленовый пакет тут же протянули прямо перед его глазами:

— Тебе.

Цзи Вэйи смахнул с лица капли:

— Сколько с меня?

Собеседник покачал головой:

— Дарю.

Цзи Вэйи опешил:

— Почему?

Юноша постоял на месте, раздумывая пару мгновений, отвечать не стал, туго завязал горловину пакета и опустил на землю:

— Тебе.

Сказав это, подхватил железное ведро и зашагал прочь, не оглядываясь.

Цзи Вэйи хотел остановить его, но стоило сорваться с губ возгласу: Эй!.. — как в горло хлынул холодный воздух.

Прикрыв рот рукой, он зашелся в яростном кашле, согнувшись в три погибели и уперевшись руками в колени, пока бледные щеки не залил нездоровый румянец.

Когда он наконец выпрямился, юноша успел отойти довольно далеко.

Цзи Вэйи окликнул его вдогонку:

— Как тебя зовут?

Шаги собеседника и вправду чуть заметно споткнулись, однако оборачиваться он не стал.

Шагая навстречу утреннему солнцу, он растворился в сиянии зари.

Наверное, не расслышал, подумал Цзи Вэйи.

Забыл, что тот глух.

Две рыбины в полиэтиленовом пакете суетливо толкались и теснили друг друга. Цзи Вэйи наклонился, поднял пакет и целиком уселся в машину вместе с рыбой.

В лицо пахнуло теплым воздухом, и от резкой смены температуры Цзи Вэйи вдруг снова пробрал озноб. Натянув пуховик, он кое-как запахнулся в него, а мышцы еще какое-то время продолжало неконтролировать бить в мелкой дрожи, словно холод пропитал его до самых костей.

Лишь теперь до него запоздало дошло, что он, кажется, только что знатно поиграл со смертью.

Сколько себя помнил, он вечно панически боялся смерти и при этом вечно нарывался на неприятности.

Повесив пакет с рыбой на ручку пассажирской двери, он вдавил педаль газа в пол и выехал на дорогу.

Вчерашний снег растопило солнце, асфальт блестел на солнце.

Цзи Вэйи промчался сквозь лужи, колеса взметнули брызги, и вишнево-красный кузов покрылся грязевыми потеками, слившимися в жуткое, кроваво-мясное марево.

Он гнал до тех пор, пока не остановился у входа в магазин ритуальных принадлежностей.

Опыта участия в похоронных процессиях у него не было, поэтому он лишь махнул рукой, велев хозяину собрать все на свое усмотрение, выбрать подороже да получше, да так, чтобы багажник набился до отказа.

Его майбах донельзя выделялся в убогом уездном городке Хуачэн, словно у него прямо на лбу красовались выжженные слова: я очень богат.

Владелец лавки, ухватившись за столь богатого клиента, принялся безбожно его обдирать, подгоняя продавцов сгребать самые дорогие бумажные слитки и запихивать их в багажник с такой скоростью, будто набивал мешки, попутно выпаливая перечень товаров скороговоркой.

Цзи Вэйи и не подозревал, что вокруг этой утвари столько заморочек. Стоя у машины, он вполуха слушал эти речи.

Багажник забивался коробками с бумажными поделками, и он чувствовал, как его самого заливает волна чудовищной усталости.

И поделом ему, заслужил —

После нескольких дней непрерывной езды и гонки за последние двое суток ему не довелось поспать и восьми часов кряду.

Стоило лишь под утро задремать в машине, не выдержав напряжения, как пришло известие о смерти Фэн Фаня.

Сердце от неожиданности забилось о ребра так дико, что, выскочив из автомобиля, его вывернуло наизнанку — вместе с лекарствами и желчью.

В желудке до сих пор было пусто, он толком и воды-то не пил.

Впрочем, застать его живым в последний раз уже не удалось, теперь хотя бы спешить было некуда.

В последние дни жизни Фэн Фаня забрали из больницы обратно в деревню, и хотя Цзи Вэйи не стал допытываться до деталей, он и так понял: собираются хоронить по-старому, в земле.

По местным обычаям, ему следовало явиться как раз к ночным бдениям у гроба и утренней отправке процессии на кладбище, а соваться туда слишком рано не имело смысла.

Цзи Вэйи бросил затею бродить призраком по улицам, прихватил оставленную юношей рыбу и снял номер в гостинице.

Несмотря на смертельную усталость, едва переступив порог, он первым делом полез в душ.

Стоило пустить воду, как поднявшийся пар едва не склеил слипавшиеся веки.

Выбравшись из ванной, Цзи Вэйи даже не успел высушить волосы, как рухнул на кровать и провалился в глубокий сон.

Спал он мертвецким сном: ни покойники в сновидениях не тревожили, ни новые знакомые в дверь не стучали.

Когда Цзи Вэйи снова открыл глаза, за окном уже царила непроглядная тьма.

Теплые батареи основательно прогрели тесное помещение, а поскольку засыпал он под ватным одеялом, его бросило в такой пот, что из надетой на голое тело пижамы хоть воду выжимай.

Из-за сильного обезвоживания во рту пересохло, в полусонном тумане он нащупал бесплатную бутылку минеральной воды и жадно сделал несколько гло́тков.

Холодная вода упала в желудок, в который больше десятка часов не попадало ни крошки, и мышцы живота резко сократились от пронзительной боли.

Цзи Вэйи согнулся, прижав руки к верхней части живота, и рухнул обратно на постель — то ли от боли в желудке, то ли от сердечного приступа.

Все тело свело судорогой, уткнувшись лицом в постель, он издал слабый стон.

Двигаться от боли не получалось, до лекарств не дотянуться, оставалось лишь зажмуриться, стиснуть зубы и терпеть.

Терпеть до тех пор, пока всё тело не забилось в неконтролируемой дрожи, а челка не взмокла от холодного пота.

Свернувшись калачиком на кровати, Цзи Вэйи дал волю своему барскому нраву, ощутив от боли какую-то совершенно нелепую, детскую обиду.

Останься он дома или послушайся Цзи Цзиня, приказав водителю ехать следом, ему бы точно не пришлось коротать время без глотка горячей воды.

И уж тем более он не стал бы мчаться сутки напролет, голодая и питаясь чем попало, ночуя в убогой уездной гостинице.

Но винить в этих муках было некого, кроме собственного упрямства.

Цзи Цзинь давно предлагал отложить дела и поехать вместе с ним, но он уперся рогом и долго капризничал.

Только когда матушка Цун Жань испугалась, что он вконец себя изведет, ему наконец соизволили кивнуть, разрешив отправиться в дорогу на собственной машине.

Он несся сломя голову двое суток, да так и опоздал к самому финалу.

Промотал сотни, если не тысячи километров, а успел лишь на сожжение бумажных денег.

Он с силой вдавил ладонь в живот — под тонким слоем кожи из-за отсутствия жировой прослойки казалось, будто можно наощупь пересчитать внутренние органы.

Но способ и вправду сработал: капли пота расплылись темными пятнами на простыне, а острая боль мало-помаду утихла, сменившись тупой ноющей болью.

Кое-как собравшись с силами, он поднялся на ноги, и только собираясь выйти за порог, вспомнил, что утренний улов по-прежнему висит на ручке двери.

Юноша завязал горловину пакета на совесть, а сам он из-за житейской неопытности забыл развязать его, и обе рыбины от нехватки кислорода уже всплыли кверху брюхами.

Сдохли. Больше не свежие.

В груди у него все перевернулось: Фэн Фань сроду не кормил его рыбой не первой свежести.

И всё же, глядя на белые рыбьи животы, он почему-то вдруг живо вспомнил утренние черные глаза.

Цзи Вэйи вздохнул: ну что ж, дядя Фэн, эту рыбу вырвали буквально из чужих рук, глядишь, и на Желтом источнике вдвоем веселее будет коротать путь.

Не стоит быть слишком разборчивым.

Он развязал пакет и подхватил его за ручки.

На холодном ветру руки и ноги мгновенно отяжелели, а ладони покрылись липким потом.

Начался гипогликемия от голода.

В городке около десяти часов вечера помимо уличных фонарей не горело ни единого огонька, куда ни кинь взгляд — даже круглосуточного магазинчика на горизонте не наблюдалось.

Цзи Вэйи пришлось плестись обратно в гостиницу выпрашивать чашку горячей воды с сахаром.

Парень с ресепшена выудил пакетик с леденцовым сахаром и ссыпал пару кусочков ему в ладонь:

— Перетопчись этим, братуха, кухни-то у нас сроду не было.

Заметив, как тот полез в кошелек, он широко замахал руками:

— Не надо денег, какая цена у пары кусков сахара.

Потом пригляделся к его лицу:

— Чёрт, акклиматизация? Может, накатить тебе пару капель настоек от хандры?

Это средство местные единодушно почитали за панацею, вливая в себя при солнечном ударе, поносе и лихорадке.

http://bllate.org/book/37726/4716291